

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
Пермский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени А.М.Горького

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР УРАЛА

Межвузовский сборник научных трудов

Пермь 1990

Сборник посвящен важной малоизученной проблеме взаимодействия культур племен и народов Урала с древнейших времен до эпохи капитализма. Он включает статьи теоретического, конкретно-исторического и источниковедческого характера, в основе которых — доклады на X Уральском археологическом совещании (1988 г., Пермский университет). В статьях А.Х.Халикова и В.Ф.Генинга анализируются общие вопросы преемственности и периодизации археологических культур Урала и их этнической интерпретации. В работах Г.М.Бурова, В.А.Мотильникова, К.С.Королева, Э.А.Савельевой, М.Г.Ивановой рассматриваются вопросы взаимодействия культур на разных этапах их развития; В.А.Оборина, Л.Д.Макарова, Г.Н.Чагина, Н.Ф.Мокшина — взаимодействия культур русского и местного населения Урала в периоды феодализма и капитализма; С.Н.Кореньюк, В.П.Мокрушина, Л.И.Ашихминой, И.О.Васкула, В.Н.Каликова, К.И.Корепанова — взаимодействия в сфере материального производства и духовной культуры (искусства). Все работы носят исследовательский характер, в основе их новый археологический и этнографический материал, впервые вводимый в научный оборот.

Сборник адресован научным работникам вузов и исследовательских институтов, преподавателям истории школ, аспирантам, студентам, краеведам.

The collection of papers treats the problems of interaction of tribal cultures and peoples of the Urals region from ancient times to the epoch of capitalism. A.H.Halikov and V.F.Gening analyse the general questions of succession and division into periods of archaeological cultures of the Urals and give their ethnic interpretation. G.M.Burov, V.A.Mogilnikov, K.S.Korolyov, E.A.Savelyeva, M.G.Ivanova treat the questions of interaction of cultures of different stages of their development. V.A.Oborin, Z.D.Makarov, G.N.Chagin, N.F.Mokshin analyse the interaction of cultures of the Russians and aboriginals of the Urals during feudalism and capitalism. S.N.Korenyuk, V.P.Mokrushin, Z.J.Ashikhmina, J.O.Vaskula, V.N.Kalikov, K.J.Korepanova study the interaction of the material production process and art. All the papers are based on new archaeological and ethnographic materials and are analysed in the present collection of papers for the first time.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Пермского университета

Рецензенты: кафедра истории СССР Пермского педагогического института, доктор исторических наук Р.Д.Голдина

Редакционная коллегия

В.А.Оборин (Пермский университет) — главный редактор, Г.Н.Чагин (Пермский университет) — зам. гл. редактора, О.Л.Кузьев — секретарь, Р.Д.Голдина (Удмуртский университет), В.Т.Ковалева (Уральский университет)

Л.Д.Макаров

Удмуртский университет

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВЯТСКОЙ ЗЕМЛИ (XII-XIII вв.)

Погребальный обряд русского населения в период развитого и особенно позднего средневековья чрезвычайно редко становится объектом внимания исследователей. Безынвентарность христианских захоронений давно уже ставит нас в затруднительное положение. Попытки определить какие-либо критерии для датировки подобных памятников, как правило, безуспешны. Тем не менее оставлять этот источник без внимания не следует.

Русские могильники бассейна р.Вятки не являются исключением. Чаще всего, они изучались попутно, без какой-либо документации. Следует назвать в связи с этим раскопки П.И.Лерха на Подчуришском городище в 1865 г., в ходе которых выявлено 15 захоронений (1). О находках человеческих черепов в Кремле г.Орлова сообщали в 1882 г. Н.А.Добротворский и М.В.Малахов (2). Среди разнообразных сведений, собранных А.А.Спицыным в Вятской губернии, имеются и описания 1881 и 1893 гг. православного могильника на Шабалинском городище (3). Им же (1881 г. - 4), а еще раньше П.В.Алабыным (1859 г. - 5) сообщается о погребениях на Никульчинском городище. Одно из городских кладбищ г.Вятки упоминает в 1865 г. П.В.Алабин (6). Им же указаны кладбища при часовнях в с.Жерновы Горы и д.Косогор, возведенных, по преданиям, в память об имевших место здесь побоищах (7).

В годы Советской власти источники продолжали накапливаться. В 1929 г. в ходе разведки на р.Пижме М.В.Талицкий раскапывает два безынвентарных захоронения на Еманавском городище и одно - у д.Верх-Покста (8). М.П.Грязнов, находившийся в 1934-1937 гг. в г.Кирове, проводит сбор антропологического материала на пяти городских кладбищах XII-XIII вв., разрушенных строительными работами. Он дает (половозрастное) определение умерших, их черепной указатель, выявляет следы деформации костей в результате перенесенных болезней и травм (9).

Не менее трех погребений обследовал в с.Гоньба В.Ф.Генинг (10). Л.П.Гуссаковский, исследовавший в 1956-1958 гг. древнюю Вятку, раскопал здесь 25 русских захоронений одного из Хлыновских кладбищ (11). Им же в 1958 и 1960 гг. впервые целенаправленно проведены раскопки Никульчинского I-го могильника, где обнаружено 18 захоронений, одновременных с древнерусским г.Никульцыным (конец XII-XV вв. - 12). В 1960 г. Л.П.Гуссаковским изучено 19 могил на Орловском городище в г.Халтурине (13). Еще раньше, в 1957 г., три погребения исследо-

вала здесь Л.М.Еговкина (14). И.С.Вайнер в 1959 г. обнаружил остатки пяти захоронений в с.Спасском (15). Необходимо отметить, что почти все вышеперечисленные находки либо вообще не документированы, либо зафиксированы фрагментарно, что в значительной степени снижает их ценность как источников.

С организацией Камско-Вятской экспедиции УдГУ темпы накопления погребальных материалов русского населения региона ускорились. Правда, как и раньше, основная часть могильников исследовалась попутно, по мере изучения поселенческих напластований. Так, в 1979-1982 гг. автору этих строк довелось вскрыть 31 погребение ХУП-начала XIX вв. на Никульчинском могильнике (16), 80 - на Шабалинском могильнике (17), 110 захоронений XVI-XVIII вв. в Котельниче (18). В 1983 г. И.Г. Шапран исследовала 10 могил на Спасском могильнике ХУП-начала XIX в. (19), в 1985-1986 гг. Н.А.Лещинская - 16 погребений в Поксте (20), 72 - на Еманаевском могильнике (21). В ходе разведок единичные захоронения выявлены автором на Ильинском, Хлыновском I, Слободских I и II, Подчуршинском могильниках (22). Таким образом, к настоящему времени на 15 могильниках обследовано 417 погребений, относящихся к концу XII - началу XIX вв. Попытки анализа погребальных памятников Вятской земли автором хотя и предпринимались, но во многом оставались предварительными (23).

Все могильники бескурганные, что вообще характерно для Русского Севера в XI-XIII вв. (24). Поэтому связывать отсутствие курганов на Вятке с некрестьянской колонизацией (25) безосновательно. Последняя, бесспорно, имела место, что подтверждается открытием ряда неукрепленных поселений XII-XIV вв. К слову сказать, даже в регионах, где курганный обряд господствует, нередко обнаруживаются грунтовые могильники, оставленные не только горожанами, что традиционно объясняется более глубоким влиянием христианства, но и сельскими жителями. В Среднем Поднепровье именно последние оставили немало бескурганных некрополей (26). В Новгородской земле курганы, хотя и появляются в XI в., но уже в XII в. полностью исчезают, уступая место хальникам или грунтовым могильникам (27). Городские кладбища были, как правило, бескурганными уже в XI-XIII вв. (Ярополч. - 28) и в более позднее время (Городец на Волге - 29, Водянское городище - 30).

Очень часто могильники Вятской земли XVI-начала XIX вв. располагаются у церквей. У более ранних эта закономерность прослеживается не всегда, поскольку попросту нет сведений о кладбищенских церквях при них.

Обычно расположение могил рядами. Нарушения ранних погребений более поздними свидетельствуют о длительности существования могиль-

ников. Но есть и более кратковременные кладбища, почти без взаимонарушений.

Могильные ямы подпрямоугольных очертаний, размеры их, в зависимости от возраста покойных, варьируют достаточно широко, однако длина редко превышает 2 м, ширина - 0,8 м. Глубина могил различна: от 0,15 до 1,55 м, но преобладают ямы глубиной до 0,8 м (более 70%). Столь незначительная глубина захоронений не согласуется с христианской канонической погребальной традицией. Отклонение от последней связано, по-видимому, с наследием языческой обрядности. Дело в том, что у ряда восточно-славянских племен появление захоронений в подкурганых ямах совпадает по времени с введением христианства на Руси, а до того умерших хоронили на горизонте. Это характерно, например, для Среднего Поднепровья, Волыни, земли вятчей (31). Грунтовые погребения также не превышали метровой глубины. В частности, новгородские (Староладожский - 0,5-0,7 м, Михаилоархангельский - 0,7-1,0 м - 32), в Ярополче (0,6-1,0 и 0,2-0,4 м - 33), на Водянском городище (0,4-0,7 м - 34).

На Средней Вятке малой глубиной захоронений особенно выделяется Шабалинский безымянный могильник (0,2-0,4 м), что свидетельствует, очевидно, о его древности. В ряде случаев небольшая глубина могил (Орловский - 0,2-0,6 м), возможно, объясняется нивелировкой поверхности (35). На более поздних кладбищах (XVII-начало XIX вв.

глубина могил составляет 0,75-1,55 м (Никольчинский П, Спасский). Причем этот переход к более глубоким захоронениям происходит, по-видимому, в течение второй половины XVII в. Судя по всему, это связано с церковной реформой Никона, приведшей к некоторому пересмотру русского православия. Какие-либо дискуссии в ходе разработки реформ, касающиеся погребальной обрядности, отражения в литературе не нашли (36). Если учесть, что вятский епископ Александр не был сторонником Никона (37), то перемены на Вятке вряд ли проводились сколько-нибудь последовательно. Решительным сторонником преобразований был преемник Александра архиепископ Иона Баранов (1675-1700 гг.), который боролся против раскола, уделяя большое внимание миссионерской деятельности среди язычников края, а также произвел ревизию местных культов (38) и, надо полагать, привел погребальную обрядность в соответствие с новыми требованиями.

На могильниках выявлены остатки внутримогильных конструкций: гробовищ в виде ящиков, скрепленных деревянными шипами, позднее - гвоздями, изредка - оковками. Сведения П.И.Лерха о захоронениях в колодах на Подчуршинском могильнике требуют проверки, хотя замеча-

ние исследователя в связи с этим об удмуртских захоронениях не лишено оснований. Впрочем, захоронения в колодах у славян также известны (39).

Ориентация погребенных отражает христианскую обрядность: абсолютное большинство умерших располагалось в могилах головой на запад с отклонениями на ЗЮЗ и ЮЗ. Парные захоронения на могильниках Вятской земли редки, как и вообще у славян (40). Чаще они встречаются на более ранних памятниках, что связано с языческими традициями (41). Преобладают захоронения женщин с детьми, но есть и парные погребения взрослых.

Погребенные обычно располагались вытянуто на спине, но дважды зафиксированы захоронения с подогнутыми ногами (Никульчино I и Еманаво). Каких-либо оснований связывать эти погребения с нерусским этносом нет, так как других отклонений в обряде они не имеют. Остроумную и весьма плодотворную мысль по поводу таких захоронений высказал А.П.Моця, связав их с могилами волхвов. Пытаясь обезопасить себя от умерших колдунов, люди связывали их веревками, завязывали в мешки, подрезали подколенные жилы и т.п., в результате чего покойники оказывались в скорченном состоянии (42). Это нашло отражение и в фольклоре и этнографических данных (43).

Положение рук определено лишь у 36% погребенных. Можно выделить пять групп:

1. Руки вытянуты вдоль туловища (около 10%).
2. Левая рука вытянута вдоль тела, правая согнута в локте (3%).
3. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте (около 20%).
4. Руки согнуты в локтях, кисти лежат в области таза (более 20%).
5. Руки согнуты в локтях, кисти лежат в области пояса или на груди (48%).

Как-то объяснить причины различия в положении рук умерших не представляется возможным. Для христианского обряда славян вообще характерно расположение рук согнутыми в локтях с различным положением их кистей. Выявлена лишь одна тенденция: расположение рук в области грудной клетки более свойственно поздним захоронениям. Выяснилось, кроме того, что для этой группы погребений положение рук вдоль тела характерно лишь для умерших детей.

Христианский погребальный обряд XII-XVII вв. на Средней Вятке характеризуется почти полной безынвентарностью. Находки единичны, они обнаружены на самых ранних и на более поздних некрополях. На Никульчинском I могильнике (конец XII-XV вв.) по сведениям Л.П.Гуссаковского

го, местные жители нашли в одной из разрушенных ими могил какие-то бронзовые украшения (44). На Еманаевском могильнике (XII-XIV вв.) - два наконечника стрел в парном погребении (очевидно, ими были убиты покойные), а также бронзовый браслет в могильной яме без признаков костяка.

На более поздних памятниках найдено: на Котельническом - нателенный крестик, железная пуговица и две свинцовые пули; на Орловском - серьга со стеклянной вставкой, два или три крестика, остатки кожаной обуви.

Безынварность захоронений - обязательное требование христианского погребального обряда. Однако в период после введения христианства (XI-XIII вв.) языческие традиции продолжали оказывать мощное влияние на мировоззрение славян, в том числе и на похоронный обряд (45). Там не менее, христианская идеология постепенно пробивает себе дорогу: уже в XI-XII вв. инвентаря в погребениях становится очень мало на могильниках Новгородчины, Среднего Поднепровья, Ярополча. Крайне редко обнаруживаются сопровождающие вещи в захоронениях XIII в., например, на кладбище XII-XIII вв. в Ярополче из 45 могил в одной найдены три височных кольца и стеклянный браслет, в некоторых - височные перстнеобразные кольца (46). В золоторудный период безынварность русских погребений утвердилась окончательно.

Единственным исключением, очевидно, являлись предметы христианского культа, но почему-то в захоронениях XIII-XVI вв. они встречаются редко. Предполагается, что они попросту не сохранялись, так как изготавливались из кожи или воска специально для погребаемых, либо они передавались по наследству (47). Интересно, в этой связи, что в могилах вятских священников XVII-XVIII вв. были обнаружены кипарисовые крестики. Лишь с XVII в. захоронения с металлическими крестиками становятся обычными.

Переходя к характеристике способа погребения, необходимо прежде всего обратиться к материалам Еманаевского могильника, расположенного в среднем течении р.Пижмы на одноименном городище VIII-X вв. Здесь выявлено 73 могильные ямы обычных размеров, глубиной 23-94 см. В центре раскопа обнаружено единственное на памятнике парное захоронение взрослых с наконечниками стрел в костях грудной клетки. Один из наконечников, клиновидный с длинной шейкой (тип 6I, по А.Ф.Медведеву), аналогичен находкам из Старой Рязани, Новгорода, Никульчина на Вятке и датируется X-XIII вв. (48). Второй, ромбовидный, с упором и расширением на нижней трети пёра (тип 40), обычен для древнерусских памятников, в том числе и вятских, и относится к X-XIV вв. (49).

Необычно расположение погребений в плане в виде веера: могилы расходятся от пустой центральной площадки в разные стороны, соответственно меняя ориентацию. Поэтому наряду с обычным расположением умерших головой на запад с отклонением к югу (которое преобладает), есть погребения, лежавшие на СЗ (4 могилы) и СЭС (9). Похожая ситуация отмечена в Новгородской земле, где погребения грунтовых могильников X-XIII вв. (Фёдоровский, Михаилоархангельский и др.) располагались вокруг более ранней сопки и как бы отгибали ее, меняя ориентацию (50). Располагались ли что-нибудь на пустой площадке или находилось за пределами раскопа - нам неизвестно. Во всяком случае, перед нами бесспорный отголосок язычества.

Подавляющее большинство захоронений (61) совершено по способу труположения. В 7 ямах (длиной 75-132, глубиной 37-62 см), имеющих округлое или плоское дно, в засыпи, чаще в середине ямы у дна, обнаружено небольшое количество мелких кальцинированных костей, свидетельствующих об обряде кремации. Примечательно, что данная группа могил образует овал, но ориентация их, за исключением погребения 28 (ВСВ-ЗКЗ), подчинена общему принципу. Кроме того, выявлено 4 могилы с неполной кремацией (длина 84-147, глубина 49-60 см), в которых в западном конце сохранились остатки черепа или верхней половины костяка, в противоположном - пережженные кости. Две из них вписывались в ряд с предыдущими, две обнаружены в южной части раскопа. Следов кремации на месте нет, очевидно, она совершалась где-то на стороне. В двух ямах каких-либо костей не выявлено, но принадлежность их к некрополю сомнений не вызывает. В засыпи одной из них обнаружен бронзовый дробовый браслет, слегка сплюснутый с боков. Такие изделия известны у многих народов, в том числе и в Древней Руси с конца I тысячелетия до XIV в. (51).

Кроме того, в межмогильном пространстве обнаружены два фрагмента белоглиняной тонкостенной посуды, широко распространенной на многих русских памятниках в XI-XIV вв. Близ могильника располагается несколько селищ этого времени.

На Никольчинском I могильнике на костях одного из покойных обнаружено скопление угля. Скопления угольков в заполнении некоторых могил фиксировались в Покосте. Аналогичное явление зафиксировано в погребениях начала II тысячелетия н.э. Среднего Поднепровья и справедливо трактуется как пережитки обряда трупосожжения (52).

Последний начинает исчезать у славян в X в. Исследователи видят в смене кремации ингумацией несколько причин. Большинство объясняет смену обрядов влиянием христианства. Противники этой точки зрения

опираются на данные о том, что еще до 988 г. наблюдался переход к новому обряду (53). Однако это утверждение в настоящее время требует некоторой коррекции, поскольку есть сведения о первом крещении Руси Аскольдом еще в 860 г. (54). Во всяком случае, социально-экономические перемены в обществе, происходившие у восточных славян в IX-X вв., явились, вероятно, одной из главных причин смены похоронной традиции (55). В районах, где смена обряда по каким-либо причинам задерживалась, церковь вела решительную борьбу за искоренение кремации покойных, например, в XI-XII вв. в земле вятичей (56). Обряд кремации на Руси связан с курганами, хотя имеются исключения (например, бескурганные захоронения VI-IX вв. с остатками кремации на стороне у древлян) (57). На Новгородчине переход от погребений в сопках к грунтовым могилам и жальникам происходит, видимо, через стадию кремации у основания сопки или в ее поле (58).

Неполная (частичная) кремация зафиксирована на территории Среднего Приднепровья и трактуется автором как промежуточная ступень между двумя способами погребения (59). Могилы без признаков захоронения человека, с каким-либо инвентарем или без него, являлись, по-видимому, кенотафами (60).

Таким образом, погребения Еманаевского могильника характеризуют погребальный обряд русского населения в древнейший период колонизации бассейна р. Вятки, т.е. в домонгольское время. Наиболее ранними, бесспорно, являются погребения с остатками кремации или неполной кремации покойных и кенотафы, занимающие, в основном, центральную часть могильника и отражавшие языческие верования пришельцев. Более поздние захоронения располагались ближе к краю некрополя, но сохранили традиционную ориентацию в виде веера. Истоки описанного погребального обряда рассматриваются в Новгородской земле и у вятичей. Одной из причин появления здесь славян может быть бегство от христианизации.

Подводя итог, отметим, что русские погребальные памятники Вятской земли исследованы пока далеко не достаточно, что делает наши выводы неокончательными.

1. Археологические раскопки в Вятской губернии // ВГВ. 1865. № 48; Лерх П. Письмо (без названия) // ВГВ. 1865. № 50; Доклад о действиях императорской Археологической комиссии за 1865 год // ОАК за 1865 г. Спб., 1866. С. XIII-XIV; Алабин П. В. Заметка относительно древностей Вятского края // ВГВ. 1865. № 57.

2. Добровольский Н. Орловское городище // ВГВ. 1882. № 62; Ма-
лахов М.В. К антропологии Вятского края // ИРГО. Спб, 1882. Т.ХУШ.
С.41.

3. Спицын А.А. Каталог древностей Вятского края // Вятка, 1881.
С.32; Он же. Приуральский край. Археологические розыскания о древ-
нейших обитателях Вятской губернии // МВГР. М., 1893. Вып. I.
С.171.

4. Спицын А.А. Каталог древностей Вятского края. С.23.

5. Алабин П.В. Ананьинский могильник // ВГВ. 1859. № 30.

6. Алабин П.В. Заметка относительно древностей Вятского края//
ВГВ. 1865. № 57.

7. Там же.

8. Талицкий М.В. Отчет Вятского отряда Антропологической комп-
лексной экспедиции // Научный архив отдела археологии Музея антро-
пологии МГУ. №.096; 092.

9. Грязнов М.П. Osteологический материал Вятских кладбищ // Ар-
хив ЛОИА. Ф.91. Папка 20.Д.8.

10. Исследования Удмуртской археологической экспедиции в сред-
нем течении р.Вятки в 1955 г. // Архив УРМ. Д.4. С.1-10.

11. Гуссаковский Л.П. Отчет о полевых исследованиях 1956 г. в
г.Кирове и с.Никульчино Кировской области // Архив ИА АН СССР. Р-1.
№ 1355. С.8-9, 17-20; Он же. Отчет об археологических исследовани-
ях в г.Кирове Кировской области в 1957 году // Архив ИА АН СССР.

Р-1. № 1619. С.2; Он же. Отчет об археологических раскопках на
территории г.Кирова и Кировской области в 1958 г. // Архив ИА СССР.
Р-1. № 1825. С.3-4.

12. Гуссаковский Л.П. Отчет 1958 г. С.31; Он же. Черновые мате-
риалы за 1960 г. Набросок плана раскопа на могильнике // Архив ЛАИ
УдГУ. Ф.2.

13. Гуссаковский Л.П. Дневник Кировского отряда Среднерусской
экспедиции ИА АН СССР и Кировского областного краеведческого музея
в 1960 г. // Архив КГОИАЛМ. НВ-75-41. С.29-47.

14. Егюпкина Л.М. Отчет об археологических разведках на Средней
Вятке в 1957 г. // Архив КГОИАЛМ. НВ-75-40. С.14-15.

15. Вайнар И.С. Отчет об археологических разведках на реках Мо-
ломе (среднее и нижнее течение), Великая (устье) и салище "Городи-
ще" у поселка Первомайский Кировской области в 1959 году // Архив
КГОИАЛМ. НВ-75-39. С.3.

16. Макаров Л.Д. Отчет об исследованиях на Средней Вятке в пре-
делах Слободского, Котальничского, Халтуринского и Юрьянского райо-

нов Кировской области, проведенных летом 1979 г. // Архив ЛАИ УдГУ. Ф.2. Д.91. С.20-24; Он же. Отчет об исследованиях на Средней Вятке в пределах Слободского, Котельничского и Даровского районов Кировской области, проведенных летом 1981 года // Архив ЛАИ УдГУ. Ф.2. Д.142. С.21-27.

17. Макаров Л.Д. Отчет за 1979 г. С.90-103.

18. Макаров Л.Д. Отчет об исследованиях на Средней Вятке в пределах Котельничского района Кировской области, проведенных летом 1982 года // Архив ЛАИ УдГУ. Ф.2. Д.153. С.42-61.

19. Шапран И.Г. Отчет об исследованиях в Котельничском и Тужинском районах Кировской области, проведенных летом 1983 г. // Архив ЛАИ УдГУ. Ф.2. Д.181. С.59-62.

20. Лещинская Н.А. Отчет об археологических исследованиях в Кировской области, проведенных в 1985 г. // Архив ЛАИ УдГУ. Ф.2. Д.216. С.25-30.

21. Там же. С.11, 17-24. Она же. Отчет об археологических исследованиях в Тужинском, Уржумском районах Кировской области летом 1986 года // Архив ЛАИ УдГУ. Ф.2. Д.251. С.13-22.

22. Макаров Л.Д. Отчет о разведочных работах в Котельничском, Оричевском и Слободском районах Кировской области, проведенных летом 1984 года // Архив ЛАИ УдГУ. Ф.2. Д.204. С.23-25; Он же. Отчет об археологических исследованиях 1987 г. в Кировской области // Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. С.38-39, 40-41, 51-52.

23. Макаров Л.Д. История археологических исследований древнерусских памятников бассейна р.Вятка // Новые источники по древней истории Приуралья. Ижевск, 1985. С.46-51; Он же. Вятская земля в эпоху средневековья (по данным археологии и письменным источникам): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.; ЛОИА АН СССР, 1985. С.9-10.

24. Макаров Л.Д. Древности Севера - первое знакомство (Памятники Отечества): Илл. альманах ВООПИК. М., 1984. № 1(9). С.123.

25. Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. // Археология СССР. М., 1982. С.196.

26. Моця А.П. Население Среднего Поднепровья IX-XIII вв. (по данным погребальных памятников). Киев, 1987. С.70.

27. Конечный В.Я. О реконструкции заселенности центральных районов Новгородской земли в XI-XII вв. // Новгородский край. Л., 1984. С. 160; Он же. Некоторые итоги исследования древнерусских грунтовых могильников в центральных районах Новгородской земли // Археологические исследования Новгородской земли. Л., 1984. С.168-172.

28. Седова М.В. Ярополч Залесский. М., 1978. С.67-71.

29. Гусева Т.В. Раскопки в Городце на Волге // АО-1983. М., 1985. С.54. Она же. Раскопки в Городце на Волге// АО-1985. М., 1987. С.65.
30. Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С.76-79.
31. Моця А.П. Население Среднего Поднепровья IX-XIII вв... С.37-38.
32. Конецкий В.Я. Некоторые итоги исследования... С.158-159.
33. Седова М.В. Ярополч Залесский... С.67-71.
34. Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. С.76-79.
35. Гуссаковский Л.П. Древнерусский город Орлов // КСИА АН СССР. М., 1967. Вып. IIО. С.105.
36. Голубинский Е.Е. К нашей полемике со старообрядцами / ЧОИДР. 2-е изд. М., 1905. Кн. III. С.5-26.
37. Там же. С.67.
38. Эммаусский А.В. Исторический очерк Вятского края ХУП-ХУШ вв. Киров, 1956. С.197-198.
39. Моця А.П. Население Среднего Поднепровья IX-XIII вв. С.15-17.
40. Там же. С.15; Павлова К.В. Погребальные памятники окрестностей Новогрудка // КСИА АН СССР. М., 1981. Вып. 166. С.81.
41. Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Харьков, 1916. Т.1. С.76-80; Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С.404.
42. Моця А.П. Население ... С.89-92.
43. Афанасьев А.Н. Древо жизни: Избранные статьи. М., 1983. С.398-399.
44. Гуссаковский Л.П. Отчет за 1958 г. С.31.
45. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. С.456-459, 773-782.
46. Седова М.В. Ярополч Залесский... С.71.
47. Моця А.П. Население ... С.72.
48. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел: УШ-ХІУ вв. // САИ. М., 1966. Вып. Е1-36. С.73.
49. Там же. С.64-65.
50. Конецкий В.Я. Некоторые итоги ... С.162-164; Петренко В.П. Сопка у с.Михайла-Архангела в юго-восточном Приладожье по раскопкам Н.Е.Бранденбурга в 1886 г. // КСИА АН СССР. М., 1980. Вып.160. С.73-75.
51. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М., 1981. С.94.
52. Моця А.П. Население ... С. 77-78.

53. Моца А.П. Население... С.50.
54. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982. С.396-397; Фрайчевский М.Ю. Утверждения христианства на Руси. Киев, 1988. С.37-68.
55. Моца А.П. Население ... С.35-47.
56. Там же. С.38; Гальковский Н.М. Борьба христианства ... С.74-81; Седов В.В. Восточные славяне ... С.148, 151.
57. Моца А.П. Население ... С.38.
58. Конецкий В.Я. Некоторые итоги ... С.165-167.
59. Моца А.П. Население ... С.41.
60. Там же. С.13-14.

Г.Н. Чагин

Пермский университет

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ РУССКИХ И МАНСИ СЕВЕРНОГО УРАЛА
В XVIII-XIX ВВ.

Этнические черты взаимодействия народов раскрывают не только сложившиеся общие элементы культуры, быта, психологии, но и "проливают свет" на этногенез и этническую историю. Задача статьи - рассмотреть этнические связи русских и манси северной части Пермской губернии, у которых, несмотря на определенную историческую специфику, под влиянием сходных ландшафтно-климатических условий проживания и однотипности хозяйственной деятельности можно отметить немало общих хозяйственно-культурных элементов, комплексов.

На севере Пермской губернии на обоих склонах Урала предки манси поселились не позднее X-XIV вв. (1). Наиболее компактные группы манси проживали в верховьях Вишеры (их называли вишерскими и чердынскими) и по рекам Лозьве, Сосьве, Лобве, Ляле (за ними закрепилось название лозьвинские и верхотурские). С XVII в. эти земли начинают заселяться русскими. На первых порах взаимоотношения манси и русских не всегда были доброжелательными. Манси считали труднодоступные североуральские земли своей собственностью и всячески пытались отстоять их от русских. В XVII в. они неоднократно обращались с челобитными к русскому царю (2). Их больше всего беспокоили охотничьи угодья - главное богатство и основной источник существования. С середины XVIII в. приток русских на территорию расселения манси значительно увеличивается, контакты этих народов приобретают дружественный характер. Во многом этому способствовало распространение общей системы взимания налогов, а